

Д.И. Болотина

«СМЕРТИЮ СМЕРТЬ ПОПРАВ»: ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО КАК ФЕНОМЕН РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

1. Идеология Белого движения

Гражданская война в России в значительной степени разворачивалась не только в политической, но и в духовной сфере. Для этой русской Смуты начала XX в., как и для всякой гражданской войны, идеологическая борьба и пропаганда имели не меньшее значение, чем военные действия. Существует мнение, что одной из причин неудачи Белого движения стало отсутствие хорошо налаженной пропаганды, нежелание осознать ее роль в условиях Смуты.

Некоторые рядовые участники Белого движения в своих мемуарах обращают внимание на то, что «никто из участников гражданской войны с белой стороны не понял, что суть гражданской войны совсем иная, чем в войне с другими государствами. В ней борьба оружием играет второстепенную роль, первую роль играет борьба идеологий... Наша пропаганда могла вестись двояко; фронтовым частям должны были быть приданы чины Освага – центрального пропагандного учреждения. Их задачей было бы созывать в любой деревне или селе, которые мы занимали, сход и разъяснять народу, за что мы боремся и почему население должно нас поддерживать. За полтора года моего пребывания на фронте я таких пропагандистов ни разу не видел»¹.

Несомненно, горечь и досада, вызванные запоздалым пониманием важности пропаганды, породили следующие строки того же автора: *С нашей же стороны даже не было самой простой попытки объяснить народу – за что мы боремся...* Мысль о том, что необходимо вести идейную борьбу, не приходила в голову нашему военному начальству»².

Однако вопреки подобным заявлениям мемуаристов и белые, и красные использовали самые разные агитационные приемы: устраивали митинги и «лекции», печатали и распрост-

раняли листовки и прокламации и т. д. Судя по итогам Гражданской войны, «белая» пропаганда оказалась значительно менее действенной, чем пропаганда «красная». На первый взгляд, это не может не вызвать удивления: почему же Белому движению, движению в основе своей глубоко *идейному*, не удалась эффективная *идейная борьба*?

Основной состав Белой армии был представлен офицерами (около половины в 1918 г. и около четверти в последующий период), учащейся молодежью (до 40% в 1918 г., позже их почти не было) и крестьянством (составившим большинство после 1919 г.)³. Офицерство было воспитано в убеждении, что армия не может и не должна заниматься политикой. С.В. Волков замечает по этому поводу: «Поскольку традиции воинского воспитания в военно-учебных заведениях не прерывались, нельзя сказать, чтобы офицерство радикально изменилось по моральному духу и отношению к своим обязанностям»⁴. Студенты и гимназисты, как правило, техникой пропаганды не владели и опыта такого не имели – по причине молодости и специфического воспитания; к тому же к концу 1918 – началу 1919 г. почти все они оказались выбиты из строя. Крестьянство, сначала почти отсутствовавшее в белых войсках, но затем мобилизованное и пополненное пленными, также не имело возможности вести пропаганду из-за нехватки образования.

Если учесть опыт Красной армии (в основном укомплектованной теми же крестьянами), можно прийти к выводу, что достаточно было иметь лишь небольшую группу образованных людей, владевших техникой пропаганды и агитации и умевших доходчиво «*объяснить народу, за что мы боремся*», чтобы противостоять большевикам. Конечно, для Белой армии не составило бы труда найти такую группу, ведь ОСВАГ все-таки был создан и действовал.

Похоже, что причина отсутствия «белой» пропаганды кроется в *нежелании* ее вести. Дело в том, что Добровольческая белая армия (на юге России) формировалась именно на *добровольческой* основе. Ее воинскому контингенту не нужно было объяснять задачи и цели борьбы – пополняющие эту армию люди уже определили их для себя сами, сделав свой нравственный выбор. Руководители Белого движения – генералы Деникин, Кутепов – были такими же добровольцами; они не умели (и не считали нужным) объяснять то, что для них было ясно априорно. Белые были убеждены, что подобный выбор должен происходить на основе внутренней духовной потребности человека, а не под каким-либо внешним влиянием.

В истории Белого движения нравственный элемент вообще выступал на первый план, так как выбор личной позиции в условиях Гражданской войны был далеко не так очевиден, как при защите Отечества от внешних врагов. Для каждого человека, взваливавшего на себя *крест добровольчества*, этот выбор означал принятие на себя ответственности за все то, что произошло в России с начала XX в. Добровольцы, вступившие в Белую армию, были лучшими представителями русского народа; они испытывали чувство стыда за начавшуюся Смуту и стремились искупить грехи России. Главной «движущей силой» революции была та прослойка русской интеллигенции, которая так ярко и беспощадно была охарактеризована в 1909 г. в сборнике «Вехи». Она не признавала себя ответственной за происходящее в России, не понимала, что революция явилась страшным преступлением против национальной культуры, и потому не испытывала потребности в покаянии.

Можно предположить, что в русском национальном менталитете (у большинства населения) отсутствует осознание человеком себя как *деятельного субъекта истории*; скорее, человек ощущает себя ее *объектом* или *сторонним наблюдателем*. Поэтому, как правило, знать свою настоящую историю – со всеми ее неприглядными сторонами – мы не хотим и даже боимся. Это подтверждается опытом последних лет, когда у нас появился доступ к достоверной исторической информации, возможность ее честного осмысления.

Во время разразившейся революции почти все население России отмежевалось от какой-либо личной ответственности за происходящее. Исключение составила лишь небольшая горстка участников Белого движения. На рубеже 1917–1918 гг. среди них было много образованных людей, сражавшихся на фронтах Первой мировой войны и произведенных в офицеры. Многие из них вполне осознавали безнадежность Добровольческого движения из-за неравенства военных сил. Вот слова, сказанные героем документальной повести И.С. Лукаша (который и сам был добровольцем): «Мы пошли потому, что вера наша была – как обречение. И, может быть, все мы были обречены смерти за Россию... Вы думаете, в душе мы не знали, что нас трагически мало, что большевикам помогает историческая удача, а мы обречены умереть?»⁵ Это говорит простой офицер Добровольческой армии *после* окончания Гражданской войны, в Галлиполийском лагере. Спустя много лет после завершения войны в воспоминаниях другого участника сражений Белой армии появились похожие строки: «Когда я добровольно ехал в конце ноября [1917 г.] на

сборное место сил Генерала Корнилова, не раз и мою голову сверлила мысль о безнадежности положения при сравнении сил врага с нашей, представлявшей из себя жидкую цепь зайцев, проскакивающую через заставы безжалостных охотников за нашими черепами... Всем было ясно, что не мы начали братоубийственную войну, а разрушители России и ее Армии с их небывалым террором. Выхода для нас не было – смерть или победа – вот первоначальный девиз добровольцев»⁶.

А вот что говорил генерал М.В. Алексеев перед выступлением в Первый Кубанский (Ледяной) поход: «Мы уходим в степи. Можем вернуться, только если будет Милость Божия. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы...»⁷ Эти слова, в которых звучит возвышенная обреченность, постоянно цитируются в мемуарах участников Белого движения. В одном из таких документов говорится: «В этих словах заключается *весь смысл Кубанского похода и, больше того, – Белого движения*. Ибо не в успехе, не в одних победах, а вот в этом *зажженном светоче и заключалось наше предназначение*»⁸.

Это означает, что многие добровольцы, по крайней мере в начале Белого движения, осознавали себя сообществом людей, сознательно жертвующих собою за Родину. Ряд поэтических и публицистических текстов подтверждает эту версию. В одной из наиболее известных добровольческих песен ярко звучит жертвенный лейтмотив: «Мы смело в бой пойдем / За Русь Святую / И, как один, прольем / Кровь молодую».

Марина Цветаева поставила эпиграфом к своим стихам «Посмертный марш» (1922) такие слова: «Добровольчество – *добрая воля к смерти*. (Попытка толкования)». Именно это определение дает наиболее точное толкование сущности Добровольчества, причем «добрая воля к смерти» включает в себя целый ряд смыслов: смерть как добровольный *конец*; смерть как *искупление* (и *очищение*); наконец, главный смысл определения – *смертию-смерть-попирающая* сущность такой смерти (ее вечное утверждение жизни). Все эти смыслы актуальны для Добровольчества, и с ними связана *не-победа на земле* белогвардейцев в 1917–1920-х годах...

Мы не случайно выделяем эти слова – «не-победа» и «на земле», так как предлагаем идею, на первый взгляд дикую и парадоксальную: *Добровольчество не победило именно потому, что не хотело победить* – в буквальном, привычном смысле этого слова (как уничтожение противника ради построения нового – или реставрации старого – государства на земле). Те участники Белого

движения, которые сознательно сделали такой нравственный выбор, *хотели*, жаждали иного: погибнуть так, чтобы *своею кровью искупить грех революции, смыть с Родины ее позор*.

При этом Россия, за которую белогвардейцы были готовы умереть, не была равна ни существовавшей до 1917 г. императорской России, ни призрачной Российской республике. Это был собирательный образ идеальной и вечной России, к которой можно обратиться, как к Богу: «Всех убиенных помяни, Россия // Егда приидеши во царствие Твое...»⁹.

Белогвардейцы понимали, что изменить ход истории они уже не могут: революция свершилась, причем некоторые из них ранее сами призывали ее приход. Признание себя причастными ко греху и позору революции значило для белогвардейцев *самоотрицание*, перечеркивание себя путем принесения искупительной жертвы. Восстановление нормального порядка жизни, так сказать, ее «безгрешного состояния», было возможно только путем полного отрицания и уничтожения всего, связанного с революцией, в том числе себя самих. «Позор страны», по мнению генерала Маркова, «должен смыться кровью лучших ее граждан»¹⁰. И все же в первую очередь – кровью большевиков. С.Я. Эфрон (офицер-доброволец, муж М. Цветаевой) писал: «Десятки, потом сотни, впоследствии тысячи, с переполнившим душу “не могу”, решили взять в руки меч. Это “не могу” и было истоком, основой нарождающегося добровольчества. Не могу выносить зла, не могу видеть предательства, не могу соучаствовать, – лучше смерть. Зло олицетворялось большевиками. Борьба с ними стала первым лозунгом и *негативной* основой добровольчества»¹¹. Очень важно, что уже в 1920-е годы были произнесены слова о *негативной* основе Добровольчества. Как видно из слов того же автора, гораздо сложнее было с поиском *позитивной* основы Белого движения: «Положительным началом, ради чего и поднималось оружие, была Родина. Родина, как идея *бесформенная, безликая... неопределимая ни одной формулой, и необъемлемая ни одной формой*. Та, за которую умирали русские на Калке, на Куликовом, под Полтавой, на Сенатской площади 14 декабря, в каторжной Сибири и во все времена на границах и внутри Державы Российской, мужики и баре, монархисты и революционеры, благонадежные и Разины. И так – “за Родину, против большевиков!” – было начертано на нашем знамени, и за это знамя тысячи и тысячи положили душу свою... С этим знаменем было легко умирать, – и добровольцы это доказали, – *но победить было трудно*»¹².

Почему же было легко умирать и трудно победить с таким лозунгом? Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется выйти за рамки исторического исследования и обратиться к анализу тех смысловых и поведенческих структур, которые в настоящее время принято называть менталитетом. По словам И.В. Кондакова, «менталитет русской культуры отличается особой, даже, можно сказать, принципиальной противоречивостью, двойственностью... во всем тяготеющей к взаимоисключающим крайностям»¹³.

Многочисленные исследования в области социокультурной истории России позволяют утверждать, что главную роль в возникновении русских смут (и в частности, смуты XX в.) играет «бинарность» национального менталитета – наличие в нем двух полюсов. Каждый из них существует и утверждается за счет постоянной конфронтации с другим; если их борьба прекращается, то нарушается равновесие всей системы, что приводит к катастрофическим последствиям для всей русской истории и культуры. Ю.М. Лотман в работе «Механизм Смуты» показал, что бинарная структура русского менталитета (в отличие от трехосставной европейской структуры) предопределила характер революционного взрыва и весь облик российской смуты. Конфликтная пара (при отсутствии «третьей силы») задает драматический тон эпохе. «Здесь борющиеся тенденции вынуждены сталкиваться лицом к лицу, не имея никакой третьей альтернативы. В этих условиях перемена неизбежно приобретает характер катастрофы... Характерной отличительной чертой бинаризма является максимализм. Конфликт, где бы он ни разворачивался, приобретает характер столкновения Добра и Зла... Идея утверждения рая на земле – одна из наиболее характерных для бинарных структур»¹⁴.

Чаще всего о попытке установления «рая на земле» говорится применительно к большевикам. Характеризуя основателя Добровольческой армии генерала Алексея, М.В. Мезерницкий отмечал: «На большевиков он смотрел как на авантюру утопистов, за немецкие деньги разрушавших все для создания царства Божьего на земле»¹⁵. Однако идея обретения Царствия Божия (в образе Небесной России), судя по всему, не была чужда и самим добровольцам. «Весь гений, вся мысль русского народа в одном: Бога Живого утвердить в мире, на земле построить царство небесное... Какое я царство в себе строю, какое ношу, такое и выстрою и вечно носить буду»¹⁶, – писал И.С. Лукаш.

Религиозный пафос лозунга «Воскресение-России-на-Крови-ея-мучеников» связан с апокалиптической идеей, весьма характерной для русского менталитета. Ю.М. Лотман писал: «Апокалипсис,

окончание истории, начало нового мира, смута – закономерное и периодически повторяющееся явление русской культуры... Несмотря на различную окраску этих исторических событий и существенную разницу участвовавших в них сил... все они типологически имели общие признаки: представление о том, что переживаемый кризис есть “окончание истории” и “начало новой эры”, после чего должно последовать *установление идеального порядка*...»¹⁷

Какой России жаждали белогвардейцы – реальной или идеальной, земной или Небесной, Вечной? Ю.М. Лотман приводит слова одного из участников Белого движения: «О завтрашнем дне мы не думали. Всякое *оформление*, уточнение казались *профанацией*. И потом, можно ли было думать о будущем благоустройстве дома, когда все усилия были направлены на преодоление крышки гробовой. Жизнетворчество и формотворчество казались такими далекими во времени, что об этом мы, добровольцы, просто и не говорили»¹⁸.

Исследователь приводит еще одну важную характеристику бинарного менталитета: «Переход из царства Зла к “тысячелетнему царству Божьему на Земле” мыслился как мгновенный результат перестраивавшего весь мир спасительного взрыва. Одновременно подчеркивалось, что отсутствие переходного периода вызывает необходимость некоторой остановки перед прыжком. Торжество идеалов переносится в более или менее отдаленное будущее, сейчас же должно наступить резкое ухудшение жизни. Земному царству Христа должно предшествовать царство Антихриста. В этом отношении принцип бинаризма имеет глубокие корни в Апокалипсисе»¹⁹.

Добровольчество знает это. Устами старого белого генерала, вместе со своими подчиненными переживающего «галлиполийское горнило», И.С. Лукаш говорит буквально то же самое: «Есть у нас своя солдатская религия: Сатана и Бог борются в мире. *Сегодня победил Сатана. Но победим мы, потому что Бог с нами. Мы так веруем*. И потому мы идем на все испытания и на все человеческое терпение»²⁰. Мысль старого генерала основана, как мы видим, на вере в конечную победу Добра над Злом: «Русь здесь, Русь с нами... Здесь не четырехлетний бунт, а тысячелетняя, вечная Россия... Воины, иноки и страстотерпцы строили вечную Россию. Они ее и построят. Русь будет...»²¹

Русские белогвардейцы умирали, уповая на то, что их смерть будет ненасправной, но явится искупительной жертвой за Россию, что, *смертию смерть поправ*, они воскреснут в вечную жизнь вместе с нею. Современный религиозный философ протоиерей Георгий Митрофанов пишет: «Подобно тому, как религи-

Д.И. Болотина

озный характер жизни личности преодолевает фатальность индивидуальной смерти, религиозный характер Белой борьбы обуславливает преодоление того временного военно-политического поражения, которое потерпело Белое движение и перспектива которого была ясна очень многим его руководителям»²².

2. Символика Белого движения

Кто раскрашен, как плакат?
То Корниловский солдат!
Из белогвардейской песни

Внешние особенности военной одежды во все времена и во всех армиях имеют символический смысл. Офицерская и солдатская униформа, воинские знаки отличия способствуют поддержанию боевой спайки каждого подразделения армии, порождают чувство сопричастности героям славного прошлого, стремление не посрамить их память. Знатоки военной психологии утверждают, что яркая, нарядная армия имеет более высокий боевой дух, чем одетая в невзрачную униформу. Тот же И.С. Лукаш писал: «Самые сильные армии – это те, где каждый полк, каждая часть отлична, цветет по-своему, бережно несет свои исторические воспоминания, свои заветы крови и подвига... Гибель армии – в нивелировке, в номерных полках, в сером ранжире, когда все цвета гаснут, когда цветущая душа армии увядает»²³.

Все это было учтено при формировании Добровольческой армии на Юге России и всей Белой гвардии. В особенностях костюма белогвардейцев, в символике их наградных знаков нашли отражение основополагающие духовные и нравственные принципы Добровольчества.

Ядро Белой армии Юга составляли так называемые «цветные» полки – Корниловский ударный, Марковский, Алексеевский и Дроздовский. Воинский костюм Марковского полка в воспоминаниях белогвардейца был оценен так: «Возникшая мысль – *закрепить единство первых добровольцев, идущих к одной цели, одним путем*, в общих рядах, *установлением формы одежды* для нового формирования... была осуществлена»²⁴. И.С. Лукаш отмечает: «Молодые полки... ревниво берегут все свои новые, вынесенные из гражданской войны отличительные знаки: нашивки на рукавах, черепа на скрещенных мечах, черно-красные погоны корниловцев, малиновый бархат погон “дроздов”»²⁵.

Многие полки вначале собирались вокруг выдающихся организаторов Белого движения и становились «именными», получая форму особого цвета в честь одного из генералов – Л.Г. Кор-

нилова, С.Л. Маркова, М.В. Алексеева и М.Г. Дроздовского. Отношение к фигуре своего вождя в «цветных» полках порой граничило с религиозным обожанием, причем горячая преданность распространялась и на членов его семьи²⁶.

Наиболее яркой и запоминающейся униформой обладал Корниловский полк, сформированный еще летом 1917 г. Его воины носили двцветные черно-красные погоны (парадные для офицеров – серебряные с черно-красным просветом), с белыми выпушками (кантами) и первой буквой фамилии шефа – «К» (накладной или вышитой); фуражки с красным верхом, черным околышем и так же с белыми выпушками, черно-красный «угол»-шеvron на правом рукаве и особую эмблему – на левом рукаве. Эта эмблема представляла собой голубой (синий) щит с изображением черепа с костями – Адамовой головы (символа вечной жизни), двух перекрещенных мечей и пылающей гранаты с надписью «Корниловцы». В ней сочетались национальные цвета русского флага – белый (череп, мечи, надпись), голубой (фон) и красный (граната). Сочетание цветов черного и красного на погонах и фуражке трактовалось различно, но чаще всего как «свобода или смерть»; другой вариант: «красный – вера в победу, черный – нежелание жить, если погибнет Россия».

Цветовая гамма формы Марковского полка отличалась большим аскетизмом – черный и белый, что также было глубоко символично. Погоны марковцев были черными с белым кантом и буквой «М» (парадные офицерские – серебряные с черным просветом), фуражка²⁷ имела белый верх с черным кантом и черный околыш. К сожалению, из мемуаристики известны лишь поздние трактовки этой символики, однако есть основания считать, что они отражают прочно устоявшиеся толкования. «В основу ее (униформы. – Д. Б.) были взяты два слова: “Смерть” и “Воскресение”. Основным цветом стал черный – цвет “Смерти за родину”. Белый цвет – “Воскресения родины”, ради которого и для которого создаются новые части»²⁸.

Униформа алексеевцев отчасти повторяла марковскую – с той лишь разницей, что на месте черного цвета на погонах и фуражках красовался голубой. Его появление в военном костюме часто объясняется наличием большого числа гимназистов и студентов в первоначальном составе этого полка: следует учесть, что в дореволюционной России учащаяся молодежь имела специальную униформу, в которой преобладал данный оттенок. Другое распространенное толкование – присутствие синего цвета в российском национальном флаге.

Четвертый «цветной» полк, Дроздовский, носил малиновые погоны (парадные офицерские – золотые с малиновым просветом) и малиновые фуражки с белым околышем и черными кантами. Цвет был заимствован у стрелковых полков Императорской армии, чем подчеркивалось духовное преемство с нею. За годы Гражданской войны малиновый цвет стал восприниматься как специфический признак именно Дроздовского полка.

Цветовая гамма военной формы Добровольческих подразделений служила еще и выражением их подчеркнутого презрения к смерти (вплоть до ее преднамеренного поиска). Ведь на местности белый, различные оттенки красного и синего цветов обладают значительным демаскирующим эффектом. Яркие добровольческие фуражки, особенно на ровной местности, были видны за версту и становились для противника прекрасной мишенью. Это приобретает дополнительную смысловую окраску, если вспомнить, что перед Первой мировой войной стоял вопрос о внедрении в русской армии униформы, предельно маскирующей солдата и офицера на местности. Это стало необходимо в связи с новыми условиями ведения боевых действий – совершенствованием боевой техники, существенным увеличением дальности стрельбы и т. д. К 1914 г. были созданы и испытаны различные варианты защитного воинского костюма, прекрасно зарекомендовавшие себя затем в ходе войны как фактор, способствующий уменьшению потерь.

Однако белогвардейцы не воспользовались этим опытом Русской императорской армии. Добровольчество как будто противопоставило себя принципам традиционной войны. Иным было все: тактика и стратегия поведения в боевых и повседневных условиях, способы поддержания высокого воинского духа. Белые части предпочитали атаковать врага развернутым строем во весь рост и редко залегали во время сражений. Неписанный кодекс чести белогвардейцев считал страх в бою совершенно невозможным, недопустимым для воина. Напротив, чудеса храбрости и отваги, проявляемые офицерами и солдатами, считались делом необходимым и почти само собой разумеющимся.

Общим элементом униформы у марковцев, корниловцев и алексеевцев были черные гимнастерки и черные брюки-галифе с белыми выпушками, установленные для первых добровольческих частей зимой 1917/1918 гг.²⁹ Несмотря на то что реальное массовое появление этого вида обмундирования относится к более позднему периоду³⁰, важно отметить *символическое* значение черного цвета для Добровольчества. Это траур по России, гибнущей в безумном угаре Смуты, и одновременно готовность умереть во имя

ее спасения и грядущего воскресения. Вот, например, как описывает «странный и неповторимый облик» своих соратников участник Гражданской войны, офицер-марковец Л.П. Большаков: «У них есть свой тон, который делает музыку, но этот тон – похоронный перезвон колоколов, и эта музыка – “De profundis”. Ибо они действительно совершают обряд служения неведомой прекрасной Даме – той, чей поцелуй неизбежен, чьи тонкие пальцы рано или поздно коснутся бьющегося сердца, чье имя – смерть. Недаром у многих из них четки на руке: *...проходя крестный путь жертвенного служения Родине*, жаждут коснуться устами холодной воды источника, утоляющего всех. Смерть не страшна...»³¹ Было и другое толкование символа «прекрасная Дама» – это не смерть, а сама Россия. Так, герой документальной повести И.С. Лукаша «Голое поле» произносит следующие слова: «Мы не мертвецы, пока жива та, за которую мы пошли умирать. Не генералов и царей мы хотели, мы не пушечное мясо генеральских авантюров, а мы живое мясо самой России... Вот нас вырвали с кровью. Мы не могли устоять. И вот мы здесь. Но она жива, и разве вы не понимаете, что живы мы, как она?.. Мы здесь все испытываемые за Россию... мы стали живой идеей России, и, если она жива, не мертвецы и мы, потому что мы несем в себе Россию, как солнце»³².

Противостояние Белой армии активным богоборцам – большевикам, разрушавшим храмы, убивавшим священников, осквернявшим святыни, насаждавшим в России атеизм, является *защитой Христовой веры*, вне зависимости от личной религиозности каждого защитника. Наиболее убедительно об этом писал русский религиозный философ И.А. Ильин: «Вот пробил час. Нет отсрочек и укрыться некуда. И не много путей перед тобою, а всего два: *к Богу и против Бога*... От этого искушения в России не ушел никто... Каждый должен быть в этом небывалом испытании, стать перед лицом Божиим и заявить о себе – или словом, которое стало равносильно *делу*, или делом, которое стало равносильно *смерти*»³³.

Как пишет вслед за ним протоиерей Георгий Митрофанов, «коммунизм в истории России выступает именно в качестве религиозного соблазна. И именно с этой точки зрения следует рассматривать те движения, которые имели место в русской истории, которые выступали в то же время в качестве не только политической, но, прежде всего, духовно-исторической альтернативы большевизму»³⁴.

Таким образом, христианский смысл Добровольчества становится более ясным, если мы обратим внимание на символику военного обмундирования белых армий. Облик воинов, одетых

во все черное, соотносится с так же одетыми православными монахами: и те и другие – «живые мертвецы» и «воины Христовы». Черную монашескую мантию святые отцы сравнивали с широкими плащами воинов древности. По словам свт. Симеона Фессалоникийского, «потому-то и темны одежды монаха, что... живет не здешней жизнью, но жаждет иной – нетленной жизни, к которой и стремится усиленно».

Вот символический эпизод, произошедший с воинами Марковского полка летом 1919 г., засвидетельствованный очевидцем. «Группа офицеров бат[альо]на с кап[итаном] Слоновским во главе пришла в монастырь поклониться его святыням. Их встретил настоятель монастыря и игуменья. Настоятель благословил защитников Веры Православной и роздал всем черные монашеские четки – символ служения Церкви и людям. Офицеры были тронуты этим благословением. Надев четки на руку, они сочли этот дар относящимся не только к ним лично, но и ко всему полку; сочли, что все Марковцы с этого дня могут носить монашеские четки... Необычайно было видеть Марковцев с монашескими четками на руке. Те, кто их носил – носили с достоинством. Говорили – принадлежность формы Марковцев»³⁵. Хотя эта традиция не получила широкого распространения, важно напомнить, что в православной символике четки сравниваются и прямо именуются *мечом духовным*.

Осмысливая духовные настроения Белой армии, вынужденной покинуть Родину, И.С. Лукаш создал в ее честь настоящий гимн, наполненный высоким пафосом (этот текст может показаться весьма странным для большинства современных читателей): «В Галлиполи *несет монашеский подвиг русская молодежь*. Где осталась еще такая сияющая духом русская молодежь, обрекая себя крови и подвигу, ушедшая на замкнутый чистый послух в белый монастырь Галлиполи?.. Тихо в монастыре, и гул земли едва доносит до него море. Живут там воины-монахи. Они пришли из мира крови... *Они как последний отблеск света в черном небе, последний отблеск, обещающий желанную зарю*. Светлое воинство, призрак белый, благостно веет уже над Россией. Нетленные белые розы возрастают на черном русском кресте... Высоко горит в небе ночи звездный крест. Тихая заря будет. И на заре придут призрачные рыцари, белые воины-монахи. И принесут миру божественный свет и спрятанные звезды. Они родились в крови, белые воины. Они исчадие войны. Они дети страданий и оскорблений. Но смыты все гноища войны в монастыре над синим морем, и там приоткрыла война другой свой лик, светлый и благостный...»³⁶ Видимо, не случайно именно в Галлиполи был реализован проект

парадной добровольческой формы, в котором белый цвет прева-лировал над черным³⁷. Белогвардейцы сумели унести в эмигра-цию неослабевающую веру в грядущую победу и спасение России. Поэт-эмигрант, участник Белого движения Иван Савин посвятил своим соратникам такие строчки: «...Не склонившие в пыль голо-вы / На Кубани, в Крыму и в Галлиполи, / Чашу горьких лишений до дна / Вы, живые, вы, гордые, выпили. / *Но не бросили чаши!* В Галлиполи / Засияла *бессмертьем* она! / Что для вечности вре-менная гибели?!..»³⁸ Ему вторит И.С. Лукаш словами своего ге-роя: «Мы – мятежники против бунта. Вся история нашей Белой борьбы – национальный мятеж и национальное восстание против безвольного, беспощадного и подлого русского бунта... Мы – на-циональная воля. Потому мы и живы, потому и бессмертны. Мы одни, нас мало, но мы слышим оттуда, из России, многомиллион-ное живое наше дыхание. *Россия будет, мы знаем, и, если будет Россия, будем и мы*, потому что мы – ее бессмертная воля к жизни. *Мы – бессмертные*»³⁹.

Православные представления о несении своего креста и гря-дущем «упразднении смерти» прослеживаются и в символике наградных знаков Белой армии. Наиболее распространенными в эпоху Гражданской войны стали символы тернового венца, напо-минающего о страданиях Христа на Голгофе, и Адамовой головы (черепа со скрещенными костями под ним), знаменующей осво-бождение человечества от смерти кровью Спасителя. Отметим, что такие изображения были характерны для наградных знаков Белой армии не только на Юге России, но и в частях адмирала Колчака и других подразделениях, действовавших на террито-рии Сибири, Урала, Поволжья и Дальнего Востока, а также на западе и северо-западе нашей страны.

Наиболее известным наградным знаком, в символике которо-го использован терновый венец, является «Знак Отличия» 1-го Кубанского (Ледяного) похода генерала Корнилова. Он был установлен в память о походе Добровольческой армии в период с 9 февраля по 1 мая 1918 г. в крайне тяжелых условиях – в постоянных боях с численно превосходящим противником, при отсутствии снабжения. Знак представлял собой серебряный тер-новый венец, пронзенный мечом; его носили на георгиевской ленте с розеткой, имеющей цвета российского флага. Впоследст-вии внешний вид этой награды был почти полностью повторен в «Знаке Отличия Военного Ордена за Великий Сибирский по-ход» – с той лишь разницей, что меч там был золотым. Участни-ки этого похода, также прозванного Ледяным, проделали в пери-од с 14 ноября 1919 г. по начало марта 1920 г. тяжелейший путь

Д.И. Болотина

по труднопроходимой тайге и льду озера Байкал в условиях сибирской зимы. Однако чаще всего изображение тернового венка присутствовало в наградных полковых знаках Корниловского «Ударного», Алексеевского конного и Марковского пехотных полков, Марковского и Алексеевского артиллерийских дивизионов, в знаке Екатеринославского похода и др.

Адамова голова была представлена на эмблеме, жетоне и полковом знаке старейшего и наиболее доблестного полка Добровольческой армии – Корниловского (кроме того, в 1917 г. череп с костями корниловцы носили также на фуражке вместо кокарды). Адамова голова присутствовала на знаках, учрежденных в Западной и Северо-Западной армиях. Среди этих знаков – Крест командующего Западной Добровольческой армией П.Н. Бермонт-Авалова, а также Крест Храбрости, установленный С.Н. Булак-Балаховичем (правда, не все они признавались как официальные награды).

Подводя итоги, можно утверждать, что Белое движение, хотя и потерпело военно-политическое поражение, все же одержало *духовную* победу, сохранив исконные православные ценности и искреннюю надежду в будущее возрождение Родины. Лучшие его представители верили в то, что смерть погибших воинов была не напрасной, что «смертию смерть поправ», они воскреснут вместе с Россией в вечную жизнь. Закончим словами И.С. Лукаша: «Всем нам суждено было истинное, на деле следование за Воскресшим, через самую смерть. И будем мы... вечно возвращаться в мир, как и Он, на те же страдания и на ту же смерть, покуда весь мир, все люди, не утвердятся в Воскресении, в Пасхе Христовой...»⁴⁰

Это их упование может и должно служить действенным примером, способным стать основой возрождения России в наши дни.

Примечания

- ¹ Мейер Ю.К. Гражданская война: Из воспоминаний Ю.К. Мейера // Кирасиры Его Величества: Сб. материалов. [СПб.]; Царское Село, 2002. С. 72.
- ² Там же (здесь и далее курсив мой, кроме специально отмеченных случаев. – Д. Б.).
- ³ Данные приводятся по книге: Марков и марковцы. М., 2001. С. 447.
- ⁴ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1999. С. 8.
- ⁵ Лукаш И.С. Голое Поле: Книга о Галлиполи // Москва. 1997. № 6. С. 82.
- ⁶ Левитов М.Н. Корниловский ударный полк. 1917–1974: Материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж, 1974. С. 106.

- ⁷ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 2: Борьба генерала Корнилова. Минск, 2002. С. 266.
- ⁸ Львов Н. Свет во тьме // Зарождение Добровольческой армии: Сб. воспоминаний. М., 2001. С. 361.
- ⁹ Савин И.И. Ты кровь их соберешь по капле, мама... // Савин И.И. Мой белый витязь...: Сб.: стихи и проза. М., 1998. С. 35.
- ¹⁰ Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию. Т. 1. Цит. по: Зарождение Добровольческой армии. М., 2001. С. 382.
- ¹¹ Эфрон С.Я. Записки добровольца. М., 1998. С. 166. (Курсив Эфрона. – Д. Б.)
- ¹² Там же.
- ¹³ Кондаков И.В. Культура России. М., 1999. С. 30.
- ¹⁴ Лотман Ю.М. Механизм Смуты // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 34–36.
- ¹⁵ Мезерницкий М. Так пролилась первая кровь // Зарождение Добровольческой армии. С. 442.
- ¹⁶ Лукаш И.С. Дом усопших. Берлин, б.г. С. 85.
- ¹⁷ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 40.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 36.
- ²⁰ Лукаш И.С. Голое Поле. С. 88.
- ²¹ Там же. С. 96.
- ²² Митрофанов Георгий, прот. Духовно-нравственное значение Белого Движения // Белая Россия. Опыт исторической ретроспекции: Материалы международной научной конференции в Севастополе. СПб.; М.: Посев, 2002. С. 11.
- ²³ Лукаш И.С. Голое Поле. С. 88.
- ²⁴ Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 гг. / Под ред. В.Е. Павлова. Париж, 1962. Т. 1. С. 59.
- ²⁵ Лукаш И.С. Голое Поле. С. 88.
- ²⁶ В частности, в мемуарной литературе широко известны примеры особо почтительного и благоговейного отношения корниловцев к дочери своего вождя – Наталии Лавровне Корниловой, дроздовцев – к сестре генерала Юлии Гордеевне и т. д. В истории Русской императорской армии можно найти примеры подобного отношения только в том случае, если шефом полка был член семьи правящего государя.
- ²⁷ Зимний вариант: черная барашковая папаха с белым суконным верхом, на котором нашивался крест-накрест черный шнурок; башлык черный с белой кистью и белым шейным шнурком.
- ²⁸ Марковцы в боях и походах... Т. 1. С. 59.
- ²⁹ См.: Там же. Материалы для истории Корниловского ударного полка. 1917–1974 / Под ред. М.Н. Левитова. Париж, 1974. С. 116. Во второй книге имеется упоминание о том, что при учреждении данного вида формы предполагалось со временем ввести черные шинели для всех чинов полка и чер-

Д.И. Болотина

ные тужурки для офицеров, однако это решение так и не было проведено в жизнь ни в годы Гражданской войны, ни позднее, в эмиграции.

- 30 Ср.: «Утверждение формы одежды, однако, не послужило толчком к обмундированию чинов б[атальо]на, т. к. отсутствовали хозяйственные суммы и личные средства у его чинов» (Марковцы в боях и походах... С. 59).
- 31 *Большаков Л.П.* Те, кто красиво умирают // Марков и марковцы. М.: Посев, 2001. С. 537.
- 32 Ср.: «Он испытал их как золото в горниле и принял как жертву всесовершенную» (Премудр. 3, 6); «Ибо золото испытывается в огне, а люди, угодные Богу, в горниле уничижения» (Сир. 2, 5).
- 33 *Ильин И.А.* Государственный смысл Белой Армии // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 9–10. М., 1999. С. 282.
- 34 *Митрофанов Георгий, прот.* Указ. соч. С. 8.
- 35 Марковцы в боях и походах... Т. 2. С. 51.
- 36 *Лукаш И.С.* Голое Поле. С. 86, 91.
- 37 Ср.: Марковцы в боях и походах... Т. 1. С. 59.
- 38 *Савин И.И.* Огневыми цветами осыпали... // Савин И.И. Мой белый витязь. С. 80.
- 39 *Лукаш И.С.* Голое поле. С. 83.
- 40 Там же. С. 98.